

С. Я. КАРП

ПУТЬ БРИССО

К вопросу о методологии познания социальных закономерностей революционного процесса

Историческая биография.

Сборник обзоров к XVII Международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990).

М., 1990. С. 121-135.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайты Vive Liberta и Век Просвещения ©

Один из путей познания истории общества, сложнейших социальных проблем и закономерностей - изучение биографий отдельных личностей. Более того, биография как жанр исторического исследования приобретает особый смысл именно как способ познания некоего большего феномена, чем жизнь изолированного «героя».

Плодотворность такого подхода вполне раскрывается при изучении гигантских коллизий человеческой истории, которые традиционно освещаются почти исключительно сквозь призму борьбы отдельных личностей, партий, социальных групп. Примером тому может послужить путь Жака Пьера Бриссо (1754-1793) - известного лидера Жиронды - во Французской революции. Доказательность этого примера становится очевидной при знакомстве с историографией жирондистов. Характерная особенность последней - привычное, но отнюдь не безупречное с точки зрения логики научного познания, восприятие жирондистов только как антимонтаньяров, которое, в свою очередь, приводит к двум противоположным крайностям.

Во-первых, в трудах неоконсервативных историков так называемого «ревизионистского» направления появилась готовность к отрицанию самого факта существования жирондистской группировки, объяснению столкновений между Горой и Жирондой политической конъюнктурой, разницей в личных амбициях, целях, культуре лидеров. Выступая против марксистской интерпретации революции как явления закономерного и социально обусловленного, «ревизионисты» исходят из сравнения и сопоставления «партий», реальность которых ставят под сомнение [52, 36. См. также 11].

Во-вторых, в большинстве работ самых разных направлений жирондисты предстают более радикальными деятелями, чем фейяны, а монтаньяры - более решительными, последовательными, чем жирондисты. Это происходит потому, что на политику Жиронды проецируются те или иные черты политики Горы с последующей оценкой жирондистов по нежеланию или неспособности ввести максимум, «окончательно» разрешить аграрный вопрос, установить террористический режим, т.е. пойти на меры, ставшие необходимыми и осуществимыми в государственном масштабе лишь на следующем этапе революции. «Внутренняя» же история Жиронды оказывается в тени, оставаясь в лучшем случае одним из аспектов классической темы «Борьба Горы, и Жиронды» [49, 22].

Подобный подход накладывает отпечаток и на попытки связать природу власти жирондистов с их географическими связями и происхождением или с определяемой по уровню дохода прослойкой буржуазия (крупной, средней) [46, 26, 50, 29, 33]. В обоих случаях явно или подспудно присутствует способ доказательства «от противного»: если за монтаньярами Париж, то за жирондистами провинция; Гора отражала интересы средней или мелкой буржуазии, следовательно, Жиронда - крупной или средней.

В отечественной историографии социальная интерпретация политики жирондистов имеет достаточно давнюю традицию.

Н.М.Лукин еще в 1909 г. в дипломной работе «Падение Жиронды» (ЦГИА, ф. 418, оп. 513, д. 4978) пришел к выводу, что жирондисты защищали потребности крупной буржуазии, и повторил этот вывод в последующих сочинениях [13]. В обобщающем послевоенном труде «Французская буржуазная революция. 1789-1794» не было выдержано единой концепции по данному вопросу. Так, М.А.Буковецкая считала жирондистов представителями средней и крупной торгово-промышленной буржуазии юга и юго-запада [19, с. 170], а Ф.А.Хейфец - крупной торгово-промышленной буржуазии [19, с. 282]. А.З.Манфред в сводной работе «Великая французская революция» писал, что жирондисты - выразители интересов «провинциальной торговой, промышленной и отчасти земледельческой буржуазии» и «крупнособственнических элементов» [15]. Таким образом, в советской историографии существует несколько вариантов оценки социальной сущности жирондистской политики. При этом специальная литература о жирондистах исчерпывалась у нас до недавнего времени двумя очерками 1917-1919 гг. и несколькими статьями Ф.А.Хейфец [20], В.Д.Марковой

[16], В.С.Алексеева-Попова [1, 2, 3] и А.В. Гордона [9, 10]. Только в начале 80-х годов в МГУ и Институте всеобщей истории АН СССР обратились к истории этой группировки, долгое время заслоняемой конфликтом с монтаньярами, - важным, но не единственным событием в ее политической биографии. Современное состояние науки делает возможным не только изучение Жиронды, но и преодоление такого подхода к ней, при котором борьба с Горой и санкюлотами становится определяющим фактором ее судьбы, искажая реальный ход революционного процесса. У историографии жирондистов большое будущее при условии расширения хронологических рамок посвященных им работ за пределы борьбы «партий» не менее перспективным представляется серьезное изучение творчества их вождей.

Опыт исследования идей и деятельности самого Бриссо насчитывает более 150 лет. На протяжении всего XIX в. и вплоть до начала века нынешнего правоведы - Г.В.Бёмер [25], К.М. Ле Граверан [45], П.Гупиль [41] и историки социалистических учений - А.Сюдр [51], Д.Ф.Щеглов [21], А. Лиштанберже [47] занимались в основном формальной критикой ограниченного круга работ Бриссо. Историки Жиронды - А. де Ламартин [44], А.Гранье де Кассаньяк [42], Э. Бире [24] и др. обращались к ним почти исключительно в контексте борьбы этой группировки и Горы.

В начале XX в. с включением в научный оборот новых источников, прежде всего критической публикации К.Перру [27, 28], наследие Бриссо вошло в орбиту «беспристрастных» позитивистских штудий [39, 34]. Однако столкновение жирондистов и монтаньяров оставалось для историков, в том числе и для автора (фундаментальнейшего обобщающего труда о Бриссо - американки Э.Эллери, главным фактором его политической карьеры, приковывая их преимущественное внимание. В 20, 30, 40-е и даже 50-е годы историки и правоведы, обращавшиеся к Бриссо, предпочитали скорее популяризировать и интерпретировать уже накопленные факты, чем последовать творчество жирондистского лидера (исключением стали работы о влиянии американской революции и восстания в Трансильвании на Бриссо [38, 40]; пример удачной популяризации - работа Ж.Франсуа-Примо [35]). Советские ученые, занимавшиеся Бриссо - М.Н.Гернет [5], П.И.Люблинский [14], А.А.Герцензон [6,7], В.П.Волгин [4] - всегда рассматривали его взгляды в русле широкого движения социальных идей XVIII в.

С 60-х годов начался новый этап в изучении Бриссо, продолжающийся и поныне. Он связан с углубленным исследованием старого порядка и бурным развитием истории общественной мысли. Историки пытаются осмыслить творчество Бриссо в целом, особенно внимательно вчитываясь в дореволюционные работы; их интересы вышли далеко за пределы 1792-1793гг. Серьезным вкладом в изучение Французской революции стала монография швейцарца Ж.Бенетрюи, посвященная так называемому «ателье Мирабо» - Э.Клавьеру, Э.Дюмону, Ж.А.Дюровере и Э.С.Рейба [23]. Бриссо поддерживал с этими людьми достаточно тесные отношения. Скрупулезный анализ их деятельности и позволил К.Бенетрюи подробно осветить, в частности, и постоянные связи Бриссо с определенными финансово-политическими кругами, возникшие в 80-х годах и сохранявшиеся до конца его карьеры.

Одним из первых на этом этапе к Бриссо обратился историк из ГДР В.Техтмейер. Вслед за А.Лиштанберже и В.П.Волгиным он попытался определить роль Бриссо в процессе перехода от Просвещения к утопическому социализму нового времени. В.Техтмейер привлек значительно больший, чем они, круг источников: разнообразные памфлеты, проекты, письма Бриссо, в том числе и ранее не публиковавшийся материал из отдела рукописей библиотеки Лейпцигского университета. Выводы В.Техтмейера не бесспорны: абсолютизируя уравнивательные тенденции в идеях и политике своего героя, влияние на него Мабли и Мерсье, связи Бриссо с «Социальным кружком» (подробно см. 43) и масонами, он показал вождя Жиронды утопистом, «коммунистическими» взглядами которого пользовались заинтересованные круги буржуазии. Однако Техтмейер по-своему преодолевал распространенное представление о Бриссо - враге революционной демократии и якобинцев, подчеркивая роль Бриссо - революционера, борца за социальную справедливость [53, 54, 55].

Большое внимание уделяет Бриссо один из крупнейших специалистов по истории культуры и общественной мысли Франции второй половины XVIII в., американский ученый Р.Дарнтон [30, 31]. Он впервые обработал множество архивных материалов, незнакомых другим биографам, и предложил собственную концепцию истории французской культуры конца XVIII в. Основным ее событием, по Р.Дарнтону, является так называемая культурная революция, победа низовой культуры типа «Греб стрит» над культурой элиты, быстрое продвижение первой на верхние этажи социальной иерархии, борьба с «аристократией интеллектуалов», Академией наук и т.п., завершившаяся участием многих революционеров в воссоздании культуры элиты, без которой ни одно общество существовать не может. При таком подходе Бриссо - революционный лидер, памфлетист с его многочисленными, в том числе международными, связями, включая связи с королевской полицией и месмеристами, противник научных корпораций старого порядка и многих представителей культуры позднего Просвещения - становится одной из центральных фигур культурной революции. Перечисленные аспекты деятельности Бриссо были тщательно исследованы

исследованы Р.Дарнтоном, высокий профессионализм и оригинальность которого, к сожалению, не помогли избежать характерного для западной историографии увлечения функциональной стороной культурной революции в ущерб ее историческому содержанию - становлению культуры капиталистического общества.

Исследование судеб идей Просвещения накануне и в годы революции привлекло внимание к Бриссо итальянского филолога М.Мартини [48] и английского историка Н. Хэмсона [37]. Если предмет Мартини - воздействие Руссо на стилистику и иные художественные особенности «Мемуаров» Бриссо, то Н.Хэмсона интересует влияние на Бриссо и других революционеров - Руссо и Монтескье (их наследие Хэмсон рассматривает как нечто противоположное). Проводя параллели между взглядами этих двух просветителей и высказываниями Бриссо и Робеспьера, он стремится обнаружить общность политической теории лидеров Жиронды и Горы, исходя из весьма приблизительного совпадения содержания их выступлений и не учитывая исторический контекст, содержащийся в этих выступлениях.

Особенностью новейшего этапа в изучении биографии Бриссо стало, таким образом, рассмотрение его идей и деятельности в русле исследовательских тем, для которых борьба Горы и Жиронды - далеко не центральная проблема, а всего лишь один из существенных фактов биографии Бриссо и истории революции. Накопленный историками опыт может быть использован для обогащения представлений о роли жирондистов в революционном процессе, дальнейшего раскрытия объективных закономерностей и содержания событий 1789-1799 гг. Марксистская методология располагает для этого необходимыми возможностями, ибо трактует историю любого социального движения не просто как историю борьбы, но как развитие антагонистической общественной взаимосвязи.

Широкие перспективы перед специалистами открыло в 1982г. приобретение Национальным архивом Франции бумаг Бриссо, до сих пор не введенных в научный оборот (Archives Nationales, 446, AP I a 24). Своеобразным анонсом о покупке стала новейшая научно-публицистическая биография Бриссо, написанная хранительницей архива Сюзанн Дюар [32, см. также рецензию М.Дориньи: *Annales Historiques de la Revolution francaise*, 1986, № 266. P. 550-553]. Однако фундаментальные исследования этих фондов еще предстоят.

В 1983 г. автор этих строк начал под руководством Г.С.Кучеренко специальное исследование общественно-политических идей и деятельности Бриссо, а в 1988 г. защитил на эту тему кандидатскую диссертацию [12]. На основе изучения сочинений и переписки Бриссо, революционной прессы, печатных протоколов революционных клубов и ассамблей в библиотеках Москвы, Ленинграда и Одессы автор попытался исследовать эволюцию взглядов и политики Бриссо на протяжении всего отрезка времени, с которым были связаны его карьера, возвышение и гибель Жиронды, подготовка и первые этапы восходящей линии революции, т.е. с 80-х годов до лета 1793 г.

Я попытался применить к наследию Бриссо синхронистический метод исследования, который, по мнению Б.Ф.Поршнева, может быть особенно плодотворный для моментов, «характеризующихся большими взрывами социальных антагонизмов», и благодаря которому соотношение статики и динамики в революционном процессе выступит с наибольшей ясностью [17]. Осуществление предельной задачи объемного «горизонтального» среза предусматривает обобщение результатов бесконечного множества аспектов поиска, например: отношение Бриссо к войне и миру, любви и браку, жизни и смерти и т.д.

Я убежден, что такого рода исследования чрезвычайно обогатили бы не только наши представления о Бриссо, но и о революции в целом. Однако, не претендуя на всесторонний охват темы, я предпочел остановиться на четырех проблемах, наиболее важных с общественно-политической точки зрения: собственность, государство, равенство, религия и церковь.

Выяснив диахронные изменения взглядов и политики Бриссо по этим «векторам», я попытался синхронизировать их, обнаружить «непредвиденные хронологические совпадения», указывающие на то, что одновременные изменения в идеях и деятельности знаменитого революционера входят в единство и составляют его элементы [см. 17, с. 319]. Вычленение этого единства и являлось подлинной моей целью.

Начало революционной активности Бриссо приходится на первую половину 80-х годов. В это время он открыто выступает против основ старого порядка. Гражданская собственность во всех ее видах подвергается разрушительной критике. Корпоративная собственность объявляется главным препятствием для развития труда и обмена, государственная - неким враждебным нации образованием, допустимым лишь постольку, поскольку она обеспечивает Собственность индивидуальную. Залогом единства людей представляется ему удовлетворение их индивидуальных потребностей. Однако даже индивидуальная собственность в глазах Бриссо - плачевный результат распада собственности естественной. Он нападает и на государство - гаранта существующей формы собственности. Публичная власть (законодательная, исполнительная, судебная) рассматривается в его работах этого периода как совершенно отчужденная от общества и враждебная ему сила, к борьбе с которой, восстанию, он призывает. Поэтому в поле критики Бриссо оказываются и такие важнейшие опоры старого порядка, как религия, церковь; последняя к тому же - один из крупнейших корпоративных собственников, что делает ее положение особенно уязвимым.

К 1789 г. характер выступлений и деятельности Бриссо несколько меняется. Индивидуальная собственность уже представляется ему не менее священной и неприкосновенной, чем естественная в начале предреволюционного десятилетия. С середины 80-х годов Бриссо становится защитником интересов кредиторов государства. Борьба с корпоративной собственностью обретает более конкретные, осязаемые формы, идет по двум «параллельным» линиям: индивидуализация и подчинение более жесткому государственному контролю. Продолжая содействовать падению основных корпораций, Бриссо явно не стремится в этот период к их немедленному уничтожению, напротив, настаивает на осторожных, постепенных действиях. Государству отводит Бриссо ведущую роль в организации необходимого перераспределения. Однако в 1789 г. перераспределение мыслится им скорее как «экономия» ресурсов сложившейся системы (в условиях наступления на корпорации и пропаганды свободы торговли): упразднение или существенное сокращение пенсioнов, ликвидация бесполезных расходов, восстановление выплаты налогов. Тема народного восстания становится для Бриссо неактуальной; теперь он берет религию и церковь под защиту.

Весной-летом 1790 г. начинается новый этап революционной деятельности Бриссо, вновь набирает силу тяга к дестабилизации. Главное ее проявление - пропаганда государственной эмиссии реально не обеспеченных денежных знаков. Уже к концу 1791 г. Бриссо предпочел затормозить этот инструмент перераспределения, однако во многих сферах его политики импульс, заданный в начале 1790 г., продолжал доминировать. Это доказывают и возрождение интереса к народному восстанию (лето 1791 г.), и разработка Бриссо теории учредительной власти, функции которой он значительно расширяет за счет других властей (1791-1792), и его активность в Якобинском клубе (вторая половина 1791 г.), и новое наступление на духовенство (весна 1790 - весна 1792 гг.).

Наконец, в 1792 г. деятельность Бриссо вступает в завершающую фазу. На фоне продолжавшегося расшатывания корпоративной собственности, тех или иных уравнилельных устремлений (предложения о прогрессивном налоге, изменении порядка наследования и т.п.) неизбежность собственности становится постепенно одним из основных мотивов всех его выступлений. Гарантия гражданской собственности представляется теперь Бриссо истинным благом для общества. Отсюда изменение отношения к государству, стремление усилить исполнительную власть, не дать «поглотить» ее Конвенту и народным обществам, Стремясь остановить революцию, Бриссо желает разогнать якобинцев и защитить духовенство. Итак, во взглядах и в политике Бриссо явно просматривается постоянное сосуществование и борьба двух тенденций - революционной и стабилизирующей. Первая проявляет себя с наибольшей силой в начале 80-х годов и с несколько меньшей - в период с середины 1790 до середины 1792 г. Вторая постепенно нарастает с 1785 до начала 1790 г. и затем в период с весны-лета 1792 г. до лета 1793 г. Примечательно, что ранний этап преобладающего торможения революции в политическом курсе Бриссо приходится на конец 80-х - начало 1790 г. вопреки распространенному представлению о Бриссо и жирондистах в целом как о радикальных политиках первого периода революции. На этот этап приходится всплеск революционной деятельности предшественников жирондистов у власти - фейянов. Следующий за ним период преобладающей революционной активности Бриссо совпадает по времени с относительной умеренностью выступлений будущих монтаньяров. Полученные результаты лишней раз подтверждают недостаточную изученность событий 1789-1791 гг., необходимость дальнейшего исследования ритмов развития революционного процесса.

Первичность, первоочередность изменений взглядов Бриссо на собственность и распределение по сравнению с его взглядами на государство, равенство, религию и церковь позволяют предположить, что именно перераспределение собственности предопределило перемещение власти в годы революции. Материалы работы проливают некоторый свет и на социальную сущность политики лидера Жиронды. Очевидно, что его взгляды и деятельность отражали интересы буржуазного развития Франции и самой буржуазии: борьба против феодальных институтов была содержанием революционных усилий Бриссо. Судя по нашим данным, политика Бриссо обуславливалась не столько интересами региональной буржуазии или буржуазии, определяемой по уровню дохода (крупной, средней) либо в сфере приложения капиталов (торговой, промышленной, аграрной), сколько чаяниями широких кругов буржуазии, богатства которой сформировались преимущественно в недрах старого порядка. Разумеется, эта «старая» буржуазия приняла участие в революционном перераспределении и на каком-то этапе (с начала 1790 до конца 1791 г.) выступила его протагонистом. Однако в отличие от собственников, стоявших за монтаньярами, основная часть ее имущества была генетически связана со старым порядком. Монтаньярам для обеспечения гарантий собственности, возникшей на принципиально иной правовой основе, потребовалось одержать политическую победу над жирондистами и сделать решающий шаг в борьбе с прежней социально-экономической и политической системой, опираясь на массовое народное движение.

1. *Алексеев-Попов В.С.* История основания «Социального кружка» / Тр. Одес. гос. ун-та. Сер. ист. иаук. 1954. Т.114, вып.4. С.133-161.
2. *Алексеев-Попов В.С.* «Социальный кружок» и демократическое республиканское движение 1791 г. // Из истории общественных движений и международных отношений. М., 1957. С.170-208.
3. *Алексеев-Попов В.С.* «Социальный кружок» и его политические и социальные требования (1790-1791) // Из истории социально-политических идей. М., 1955. С.299-339.
4. *Волгин В.П.* Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1968. 415 с.
5. *Гернет М.Н.* От Томаса Мора до УК // Проблемы преступности. М., 1928. № 3. С.17-34.
6. *Герцензон А.А.* Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII в. М., 1962. 320 с.
7. *Герцензон А.А.* Уголовно-правовая теория Жана Поля Марата. М., 1956. 247 с.
8. *Гессен С.* Политические идеи жирондистов: К истории полит. воззрений в эпоху революции. М., 1917. 48 с.
9. *Гордон А.В.* Падение жирондистов. М., 1988. 152 с.
10. *Гордон А.В.* Федералистский мятеж: (Из истории гражданской войны во Франции летом 1793 г.) // Французский ежегодник, 1967. М., 1968. С.86-107.
11. *Гусейнов Э.Е.* Исследования и споры о жирондистах в современной зарубежной историографии // Общественные движения и политическая борьба в странах Европы и Америки в новое и новейшее время. М., 1985. С.19-34.
12. *Карп С.Я.* Общественно-политические идеи и деятельность Бриссо в годы Великой французской революции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. 24 с.
13. *Лукин Н.М.* Избранные труда. М., 1960. Т.1. 514 с.
14. *Люблинский П. И.* Уголовно-правовая охрана частной собственности в период образования капитализма // Проблемы социалистического права. М., 1938. Кн.3. С.147-175.
15. *Манфред А.З.* Великая французская революция. М., 1983. 431 с.
16. *Маркова В.Д.* Народное движение в Лионе (21 сентября 1792 г. - 29 мая 1793 г.) // Уч. зап. МГПИ им. В.И.Ленина. М., 1949. Т.58. Каф. истории нового времени, вып.2. С.3-52.
17. *Поршнев Б.Ф.* Франция, английская революция и европейская политика в середине XVIII века. М., 1970. 387 с.
18. Процесс жирондистов. Пг., 1919. 60 с.
19. Французская буржуазная революция, 1789-1794. М., 1947. 49 с.
20. *Хейфец Ф.* Жирондистский конвент // Ист. журн.. М., 1939. № 7. С.13-27.
21. *Щеглов Д.Ф.* История социальных систем от древности до наших дней. СПб., 1870. Т.1-2.
22. Actes du Colloque Girondins et Montagnards. P., 1980. 364 p.
23. *Benetru J.* L'atelier Mirabeau: Quatre proscrits genevois dans le tourmente revolutionnaire. Geneve, 1962. 493 p.
24. *Bire E.* La legende des Girondins. P., 1896. 448 p.
25. *Bohmer G.W.* Handbuch der Litteretur des Criminalrechts in seinen Allgemeinen Beziehungen, mit besondrer Ruch sieht auf Criminelpolitik nebst wissenachftlichen Bemerkungen. Göttingen, 1816. 888 S.
26. *Brace R.M.* Bordeaux and the Gironde, 1789-1790. Ithaca; N.Y., 1947. 279 p.
27. *Brissot J.-P.* Correspondance et papiers precedes d'un avertissement et d'une notice sur la vie par M.Perroud. P., 1912. 492 p.
28. *Brissot J.-P.* Memoires (1754-1793), publ. avec etude critique et notes par Cl.Perroud. P., s. a. Vol.1-2.
29. *Chamie J.* Les Girondins et les Cent Jours: Essai d'explication de leur comportement par leurs origines geographiques et sociales et leur passe politique (1793-1815) // Annales Hist. de la Revolution fr. P., 1971. N 205. P.329-365.
30. *Darnton R.* Mesmerism and the end of the enlightenment in France. Cambridge (Mass.), 1968. 218 p.
31. *Darnton R.* The literary underground of the old regime. Cambridge (Mass.); L., 1982. 258 p.
32. *D'Huart S.* Brissot. La Gironde au pouvoir. P., 1986. 244 p.
33. *Dorigny M.* Les Girondins et le droit de propriete // Bull. d'histoire econ. et sociale de la Revolution fr., 1980-1981. P., 1983. P.15-31.
34. *Ellery B.* Brissot de Warville: A study in the history of the French Revolution. Boston; N.Y., 1915. 527 p.
35. *Francois-Primo J.* La jeunesse de J.-P.Brissot. P., 1932. 340 p.
36. *Furet F., Richet D.* La Revolution francaise. P., 1979. 544 p.
37. *Hampson N.* Will and circumstance: Montesquieu, Rousseau a. the French Revolution. Norman, 1983. 282 p.
38. *Gidney L.M.* L'Influence des Etate-Unis d'Amerique sur Brissot, Condorcet et Mme Roland. P., 1930. 176 p.
39. *Goetz-Bernstein H.-A.* La politique exterieure de Brissot et des Girondins. P., 1912. 420 p.
40. *Gorgan A.C.* J.-P.Brissot et les roumains de Transylvanie // Rev. des Etudes roumaines. P., 1953. N 1. P.174. См. также более позднюю статью: *Pompiliu T.* L'Esprit de la revolution democratique: J.-P.Brissot et la revolte de Horea // Cahiers roum. 1'etudes litt. Bucurest, 1979. Vol.2. P.30-43.
41. *Goupil P.* La Propriete selon Brissot de Warville. P., 1904. 103 p.

42. *Granier de Cassagnac A.* Histoire des Girondins et des massacres de Septembre d'après les documents officiels et inédits. P., 1860. Vol.1-2.
43. *Kates G.* The Cercle Social, the Girondins and the French Revolution. Princeton, 1985. 325 p.
44. *Lamartine A.de.* Histoire des Girondins. Bruxelles, 1847. Vol.1-8.
45. *Le Graverand J.M.* Traite de la Legislation criminelle en France. P., 1816. Vol.1-2.
46. *Lheritier M.* Liberte, 1789-1790: Les Girondins, Bordeaux et la Revolution fr. P., 1947. 364 p.
47. *Lichtenberger A.* Le socialisme au XVIIIe siecle. P., 1895. 413 p.
48. *Martini M.* Influenza di Rousseau nei «Memoirea» di Brissot // Quad. francesi. 1970. Vol.1. P.421-436.
49. *Patrick A.* The men of the First French Republic: Polit. alignments in the National Convention of 1792. Baltimore, 1972. 407 p.
50. *Soboul A.* Sur la fortune des Girondins // Annales hist. de la Revolution fr. P., 1951. N 122. P.181-185; N 123. P.298; 1954. N 136. P.257-260.
51. *Sudre A.* Histoire du communisme ou refutation historique des utopies socialistes. P., 1848. 500 p.
52. *Sydenham M.J.* The Girondins. L., 1961. 252 p.
53. *Techtmeier W.* Brissot und die Kritik em Eigentum in der zweiten Halfte des 18 Jahrhunderts // Literaturgeschichte als geschichtlicher Auftrag. B., 1961. S.171-185.
54. *Techtmeier W.* Ein unveroffentlicher Brief Brissot de Warvilles // Beitr. zur romanischen Philologie. B., 1966. N 2. S. 126-131.
55. *Techtmeier W.* Die Rolle Brissot de Warvilles als Publizist und Philosoph // Neue Beitr. der Lit. der Aufklarung. Rutten etc., 1964. S.239-257.